

II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола

Изучение лицевых украшений рукописей, ограниченное только художественным исполнением, является недостаточным и односторонним. Отдельные картинки, украшающие текст, их композиция, содержание, краски, стиль и формы еще не дают достаточно материала для суждения о значении миниатюр. По чертам стиля и по формам живописи, правда, можно определить время появления рукописи и выяснить художественные традиции в исполнении картин, но сама по себе рукопись остается темным и загадочным явлением на фоне исторических событий, сопровождавших ее появление, вследствие чего до сих пор еще историки не интересуются книжной иллюстрацией и не опираются на ее данные. Исключение представляют только историки литературы, в некоторых случаях пользующиеся материалом иллюстрированных рукописей благодаря содержанию миниатюр, отвечающему содержанию различных литературных памятников.

На художественные иллюстрации летописей, равно как и других рукописных книг, нельзя смотреть как на явление случайное, прихоть иллюстратора или заказчика. В исторической перспективе иллюстрации рукописей являются законными и типичными показателями эпохи, класса, общих воззрений и верований и художественных традиций своих собственных или возникших на основе культурных сношений. Иллюстрации летописей особенно интересны не только по своему содержанию, но и по основным своим свойствам, отличным от свойств всякого другого отдела рукописей: евангелий, библий, псалтырей, житий и т. п. Наши русские изводы летописей, переводные или оригинальные, имеют особый преимущественный интерес, сравнительно с другими родами рукописей, еще и потому, что представляют ярко выраженный средневековый порядок идей, связанный с русским феодализмом в его государственном и бытовом проявлении.

Иллюстрированная пергаменная рукопись Хроники Георгия Амартола, единственный мировой экземпляр, украшенный 125 рисунками,¹ является наиболее показательным примером во всех указанных отношениях. Акад. В. М. Истрин издал славянский текст этой рукописи, но ее миниатюры еще ждут исследователя. Эта замечательная рукопись не могла быть ни точно датирована, ни приурочена к определенной русской области потому, что ее выходная миниатюра не только была не понята, но неверно объяснена. На

¹ См. мою статью — Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. Краткий отчет о деят. общ. древней письменности и искусства за 1917—1923 гг., стр. 11—35. Deuxième Congrès International. Belgrad 1929, p. 127—135.